

ВИЛЕТАНТ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

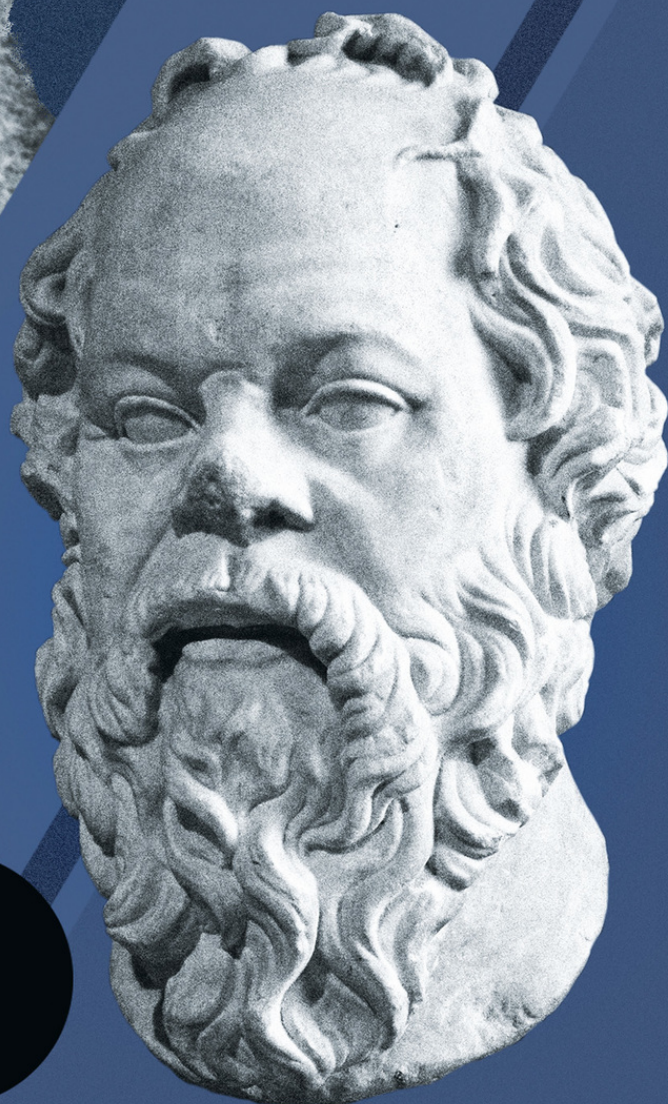
СУД ДА ДЕЛО

СУДЕБНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
ПРОШЛОГО

АЛЕКСЕЙ
КУЗНЕЦОВ

ПОСТАРАЕМСЯ БЫТЬ
БЕСПРИСТРАСТНЫМИ —
КАКИМ И ДОЛЖЕН БЫТЬ СУД

Дилетант. Проект с научно-популярным
историческим журналом («Эхо Москвы»)

Алексей Кузнецов

**Суд да дело. Судебные
процессы прошлого**

«ЭКСМО»

2020

Кузнецов А. В.

Суд да дело. Судебные процессы прошлого / А. В. Кузнецов — «Эксмо», 2020 — (Дилетант. Проект с научно-популярным историческим журналом («Эхо Москвы»))

ISBN 978-5-04-114033-5

Люди всегда испытывали интерес к расследованию преступлений и наказанию преступников. Чего тут больше: любопытства, жажды Справедливости, подсознательного (а иногда и сознательного!) интереса к Злу – трудно сказать. В любом случае, поиск идеального способа определения виновности-невиновности и соразмерного наказания продолжается уже тысячи лет. Среди персонажей книги как знаменитые люди – Сократ, Джордано Бруно, Авраам Линкольн, Лев Толстой, так и простые смертные – русские крестьяне, английские моряки, итальянские иммигранты. Неизменно одно: зал судебного заседания, строгие судьи, трепетные подсудимые. Попытаемся проследить некоторые извивы этого чрезвычайно непростого пути: • задумаемся над недостатками самого демократичного в мире афинского суда, • оценим неоднозначность введения инквизиционного процесса, • критически рассмотрим политические преследования раннего Нового времени, • подивимся некоторым судебным курьезам, • посочувствуем некоторым обвиняемым, ставшим жертвами явной несправедливости. «Все мы можем оказаться перед судьей. И чтобы знать, как оправдаться, смотрите, как это делали великие. И как у них частенько это не получалось». Алексей Венедиктов, главный редактор «Эха Москвы» Книга по мотивам программы «Не так» на «ЭХО Москвы»

ISBN 978-5-04-114033-5

© Кузнецов А. В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	6
1. «...Тот выше людского суда»	7
«Предлагается смертная казнь»	8
Самый демократичный суд в мире	9
Кошунник и растлитель юношества	10
Союзник обвинения	11
«Тише, сдержите себя!..»	12
2. Рыжебородый против Льва	14
Экспозиция. Империя, век XII	15
Завязка. Возвышение Льва	16
Кульминация. Лев в западне	18
Развязка. Победитель и побежденный	19
3. История с бородой	20
Богач, книжник, воин	21
За строкой обвинения...	22
Три Жана против Жилия	25
Пять с половиной столетий спустя...	26
К вопросу о цвете бороды	27
4. За что казнили Джордано Бруно	28
Беспокойный человек	29
Как работала инквизиция	31
«Казнить, нельзя помиловать»	33
5. Маятник Фуке	34
Способный юноша	35
Под знаменем Мазарини	36
«Надо жить умеючи...»	37
Западня	38
Тень «Железной маски»	41
6. Дело табак	42
«...Прибрел я, сирота твой, на Белоозеро...»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Кузнецов

Суд да дело. Судебные процессы прошлого

Предисловие

«Не судите, да не судимы будете!» – сказано отдельным людям, но не государству. Одно из принципиальных отличий человека от других живых существ является способность (и потребность!) создавать нормы поведения, стоящие над инстинктами и во многом противоречащие им. Еще в догосударственную эпоху складывались у наших предков правовые традиции, нормы обычного права, регулирующие личные и имущественные отношения, охранявшие жизнь и здоровье, религиозные верования. Соответственно, возникали и обычаи применения этих норм, решался вопрос о том, кто должен их применять и истолковывать.

Шло время, государство создавало все более сложные законы, развивались теоретические представления о праве. Усложнялось и судопроизводство: появлялись специальные чиновники – судьи, система судебных органов становилась более разветвленной, процессуальное право выделилось в самостоятельную отрасль законодательства, возникали апелляционные и кассационные инстанции. Суд становился все более торжественным, он теперь не только решал задачу восстановления справедливости (или, если угодно, государственного диктата) в конкретных случаях, но и сам понемногу начинал творить право.

В задачу автора этой книги не входит попытка проследить эти процессы. Это слишком сложная, буквально неподъемная задача. Эта книга родилась из популярных передач цикла «Не так», которые журналисты радиостанции «Эхо Москвы» Сергей Бунтман и Алексей Кузнецов ведут уже седьмой год. Здесь подобраны темы, вызвавшие в свое время наибольший интерес слушателей. В главах, которые вам предстоит прочесть, рассказывается о людях, подчас незаурядных, порой обыкновенных, по обе стороны судейского стола, о судебных реформах, о разных подходах к правосудию. Вы встретитесь с судом афинской гелиэи и средневековым церковным процессом, с трибуналом Французской революции и инквизиционным процессом дореформенного суда Российской империи, с деятелями Судебной реформы 1864 года и присяжными заседателями Суда королевской скамьи Великобритании. Где-то будет более подробно рассказываться о самом преступлении, где-то – о судебном процессе, иногда независимом и справедливом, иногда предвзятом, с заранее предreshенным финалом.

Среди фигурантов судебных дел нам встретятся как маленькие люди – русские и удмуртские крестьяне, приказчик Бейлис, иммигранты Сакко и Ванцетти, американский школьный учитель и британские матросы, ирландцы-чернорабочие и севастопольские обыватели, так и деятели заметные – германский император и саксонский король, будущий премьер-министр Российской империи и ее бывший военный министр, французский маршал и советский генерал, великий поэт и великий философ, знаменитая балерина и талантливый композитор. Человек равно нуждается в правосудии и равно имеет на это право, независимо от того, родился ли он в особняке или в убогой крестьянской хижине.

Эта книга не для юристов, вряд ли они найдут в ней что-то для себя новое. Наша задача в том, чтобы поддержать читательский интерес к одному из важнейших видов человеческой деятельности – установлению Справедливости.

Это уже второе подобное издание. Материалы первого, вышедшего под названием «Суд идет» в издательстве «ЭКМО» в 2018 году, с небольшими изменениями и дополнениями вошли в настоящую книгу. При отборе новых сюжетов автор руководствовался отзывами на первую книгу, а также статистикой голосований слушателей при выборе тем в передаче «Не так».

1. «...Тот выше людского суда»

(процесс Сократа, Афины, 399 г. до н. э.)

Почти две с половиной тысячи лет назад, в 399 г. до н. э., Афины переживали далеко не лучший период своей истории: совсем недавно закончилась изнурительная Пелопоннесская война, которую Афины и их союзники с треском проиграли объединению южногреческих полисов во главе со Спартой; прямым итогом поражения было установление правления спартанских марионеток – «Тридцати тиранов». Тираны после недолгого, но кровавого правления были свергнуты, но это не решило главных проблем – бедности и, как следствие, высокого уровня социальной напряженности. Вопрос «Кто виноват?» занимал умы афинян ничуть не меньше, чем «Что делать?».

Тридцать тиранов были правителями, поставленными в Афинах спартанским военачальником Лисандром. Они правили очень жестоко и в течение менее чем одного года казнили около 1500 афинян. Однако вскоре их при поддержке союзных Фив сверг полководец Фрасибул. Большинство из тридцати были убиты в течение года после лишения власти.

Как показывает история человечества, в подобных случаях обычной реакцией общества является поиск «пятой колонны», развращающей умы, в первую очередь неокрепшие юношеские. Не стали исключением и Афины начала IV в. до н. э.

«Предлагается смертная казнь»

Весной указанного года в присутствии свидетелей драматург по имени Мелет вручил архонту басилевсу, выборному должностному лицу, занимавшемуся вопросами культа, восковую дощечку, содержащую обвинения против философа Сократа. Основными были два: во-первых, Сократ обвинялся в неуважении к установленным богам и сотворении собственных, во-вторых, во внушении молодежи ложных истин и представлений: «Это обвинение составил и, подтвердив присягой, подал Мелет, сын Мелета из дема Питтос, против Сократа, сына Софрониска из дема Алопеки: Сократ повинен в отрицании богов, признанных городом, и во введении новых божественных существ; повинен он и в совращении молодежи. Предлагается смертная казнь».

Государственного обвинения в Афинах не существовало. Обвинение мог выдвинуть любой полноправный гражданин, который при этом давал клятву в том, что говорит правду. В задачу архонта басилевса входило установить, имеет ли обвинение под собой какие-либо основания, и передать дело на рассмотрение суда.

Мотивы Мелета достаточно очевидны: в высшей степени амбициозный молодой сочинитель, чьи трагедии ни разу не были отмечены ни публикой, ни критикой, стремился к славе любой ценой. Вполне вероятно, что к Сократу он имел личную неприязнь: зная ехидный характер философа, нетрудно предположить, что Сократ комментировал его «творческие успехи» совершенно определенным образом. По крайней мере, на суде обвиняемый главного обвинителя не особенно щадил: «По-моему, афиняне, он – большой наглец и озорник и подал на меня эту жалобу просто по наглости и неумеренности, да еще по молодости лет». Аналогичный мотив двигал, скорее всего, и вторым обвинителем, по имени Ликон – также честолюбивым графоманом, разве что уже не первой молодости и искавшим славы не на театральных подмостках, а в публичных выступлениях. Однако всем было очевидно, что Мелет и Ликон представляют собой лишь завесу, призванную прикрыть истинного инициатора и дирижера обвинения. Им был Анит, богатый торговец кожами, один из влиятельных афинских политиков. Незадолго до суда над Сократом он сыграл важную роль в свержении режима «Тридцати тиранов». Кожевник и философ были хорошо знакомы, не раз публично спорили. Сегодня мы назвали бы Анита «государственником», горячим сторонником традиционных афинских ценностей, крайне настороженно относящимся к сократовской идее индивидуальной свободы. Афиняне шептались, что у Анита имелись также личные причины ненавидеть Сократа: якобы его собственный сын после знакомства с учением философа стал пренебрежительно относиться к отцу и его образу жизни и занятиям...

Самый демократичный суд в мире

Еще в VI веке до н. э. великий реформатор Солон ввел в государственное устройство афинского полиса широкое демократическое начало. Одним из наиболее ярких его проявлений стала *гелиэя* – суд, состоящий из 6000 выборных судей (5000 были действующими, тысяча – запасными). Судьей мог быть любой свободный житель Афин старше 30 лет. Судьи получали за свою деятельность небольшую плату. Для рассмотрения конкретного дела собиралась многочисленная коллегия: так, незначительные гражданские иски рассматривались составами в 201 судью, для уголовных дел требовалось еще более представительное собрание. Решение принималось тайным голосованием. Во избежание подкупа состав судей определялся жребием непосредственно перед началом процесса.

Время, отведенное на рассмотрение дела, строго фиксировалось при помощи специального водяного устройства; судебная сессия продолжалась в течение светового дня (Сократа судили зимой, и длительность процесса определили в девять с половиной часов).

Каждый человек, избранный членом суда – гелиастом, приносил торжественную присягу: «Я буду подавать голос сообразно законам и постановлениям афинского народа и Совета пятисот. Когда закон будет безмолвствовать, я буду голосовать, следуя своей совести, без пристрастия и без ненависти. Я буду подавать голос только по тем пунктам, которые составят предмет преследования. Я буду слушать истца и ответчика с одинаковой благосклонностью. Я клянусь в этом Зевсом, Аполлоном и Деметрой. Если я сдержу мою клятву, пусть на мою долю выпадет много благ! Если я нарушу ее, пусть я погибну со всем своим родом».

Кощунник и растлитель юношества

Имели ли обвинения, выдвинутые против Сократа, под собой какие-либо основания? Несомненно. Взаимоотношения философа с традиционным пантеоном олимпийских богов были, мягко говоря, неоднозначными. Сегодня нам трудно обоснованно судить о воззрениях мудреца на религию (от Сократа не осталось ни одной собственноручно написанной строчки, о его учении мы знаем только по рассказам его учеников – в первую очередь Платона и Ксенофонта, и отзываам недоброжелателей – например, великого драматурга Аристофана), но ясно одно: представления Сократа о божественном начале расходились с общепринятыми. Вполне возможно, по сути он не покушался на последние (по крайней мере, в суде он будет отстаивать именно этот тезис), но малограмотным в большинстве своем гелиастам в ходе судебных прений стало вполне очевидно, что у Сократа есть собственный взгляд на то, на что его иметь, по их представлениям, было предосудительно. Всего тридцать пять лет назад за одно предположение, что солнце – не божество, а раскаленный камень, философа Анаксагора приговорили к смерти, и только заступничество всемогущего на тот момент Перикла спасло ему жизнь.

Еще более серьезным представлялся афинянам пункт о развращении юных умов. Обвинители напомнили горожанам, что учениками Сократа в свое время были три ненавистных им человека: предатель Алкивиад, великий полководец, перешедший на службу к спартанцам, фактический лидер проспартанских «Тридцати тиранов» Критий и его помощник Харикл. Многие соглашались с тем, что это неспроста и учитель несет ответственность за последующее поведение своих учеников, даже если он и не склонял их к предательству интересов родного города напрямую. Помимо этого, многих судей, людей зрелого возраста, по-видимому, вообще раздражала популярность Сократа у молодежи, и они считали его ответственным за то, что двадцатилетние балбесы дерзят и не уважают старших.

Помимо двух основных обвинений досталось Сократу также за его далеко не восторженные отзывы о великих литераторах прошлого, Гомере и Гесиоде. В период шатаний и «брожения умов» многим жителям Афин их творчество представлялось необходимой «скрепой», а Сократ не раз отзывался о нем скептически. Наконец, обвинители упомянули и отсутствие у Сократа общественной позиции, выразившееся в том, что он всегда избегал выборных должностей.

«Сократ нас не уважает, – как бы говорили обвинители, – ему недорого то, что дорого нам, он ерничает и глумится над тем, что свято для каждого истинного афинянина! И это в то время, когда мы в кольце врагов!»

Союзник обвинения

Нельзя не заметить, что сам Сократ приложил немалые усилия к тому, чтобы утвердить судей в этом мнении. Вопреки устойчивой традиции, он не привел в суд плачущих жену и детей, которые должны были разжалобить судей. Вместо того чтобы признавать себя виновным в отдельных грехах и каяться, он произнес сложную, полную философских рассуждений и довольно высокомерных поучений речь, что тоже не могло не раздражать крестьян и ремесленников на судейских скамьях: «Не шумите, мужи-афиняне, исполните мою просьбу – не шуметь по поводу того, что я говорю, а слушать; слушать вам будет полезно, как я думаю». Наконец, уже признанный виновным (суд голосовал дважды: первый раз по вердикту о виновности или невиновности, второй раз – по вопросу о конкретном приговоре), он попросил в качестве наказания бесплатный обед в Пританее, круглом здании на главной площади Афин, что было большим почетом.

Трудно сказать, чего добивался таким образом семидесятилетний философ. Скорее всего, он не желал «прогнуться» под первоначально не настроенный слишком уж кровожадно суд. Покайся, окажи «людям уважение» и отделаешься малой кровью, парой часов позора – это не для Сократа. Ведь он столько лет учил своих юношей внутренней свободе, чувству собственного достоинства, ироничному отношению к авторитетам и табу. «...Я могу вам сказать, афиняне: послушаетесь вы Анита или нет, отпустите меня или нет – поступать иначе, чем я поступаю, я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз».

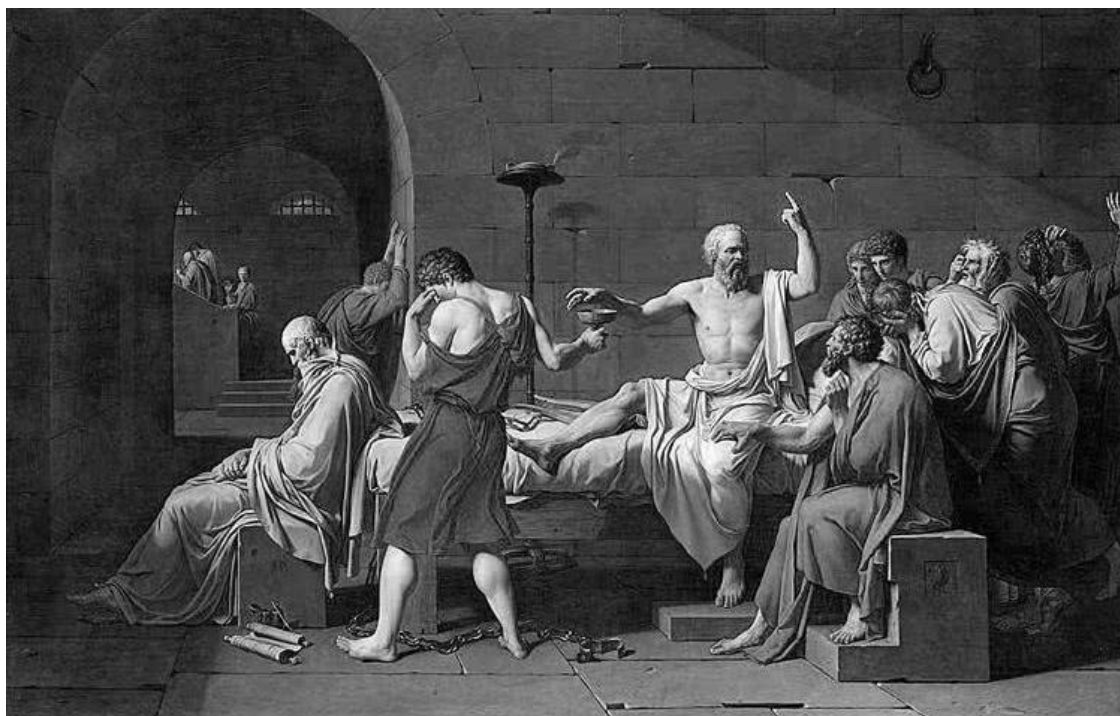
Приговор гелиэи – смертная казнь – был вынесен подавляющим большинством голосов, 360 против 141. Интересно, что за него проголосовало около сотни судей, в первом туре высказавшихся за невиновность мудреца...

«Тише, сдержите себя!..»

Сократу еще почти месяц придется дожидаться смерти: в Афинах смертные приговоры не приводились в исполнение в период, когда на остров Делос к храму Аполлона отправлялась праздничная делегация. За три дня до ее возвращения один из почитателей философа, Критон, предложил ему побег в плодородную Фессалию, где знаменитого афинянина готовы были принять и спрятать. Вполне вероятно, это устроило бы и большинство жителей Афин: многие из них уже пришли в себя и полагали, что суд погорячился.

Сократ категорически отказался. Он не считал вынесенный ему приговор справедливым, но полагал недостойным настоящего гражданина нарушать закон. Ведь он сам любил повторять: «Кто добродетелен, тот выше людского суда». Кроме того, истинный философ должен относиться к смерти спокойно, ведь она ему неведома и, значит, грех считать ее злом.

Раньше вслед Платону принято было считать, что Сократа отравили цикутой. Однако современные историки и врачи пришли к выводу, что, скорее всего, это был болиголов пятнистый (*Conium maculatum*), ядовитые свойства которого были хорошо известны грекам.

Жак-Луи Давид «Смерть Сократа»

Он выпил приготовленную для него чашу с ядом и продолжил беседовать с друзьями и учениками. Некоторые из них плакали, и Сократ обратился к ним со словами: «Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, – ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!» Последней фразой Сократа была просьба не забыть принести в дар богу врачевания Асклепию петуха – похоже, смерть он воспринимал, как исцеление...

Процесс Сократа, помимо всего прочего, – хорошее основание для того, чтобы поразмышлять о плюсах и минусах многочисленного по составу суда. С одной стороны, вроде бы «ум хорошо, а два лучше»; с другой – чем больше судей, тем выше вероятность, что среди них могут затесаться люди безответственные, равнодушные, склонные поддаваться эмоциям.

И другая народная мудрость (а ведь в кладези опыта всегда можно найти противоположные подсказки) утверждает: «Лучше меньше, да лучше».

В разное время в разных странах этот вопрос решался по-разному, да и сегодня, похоже, он окончательно еще не решен.

2. Рыжебородый против Льва

(имперский суд над королем Саксонии Генрихом Львом, Священная Римская империя, 1180)

XII век – период расцвета европейского рыцарства, грандиозных походов и великолепных турниров. Среди славных имен, олицетворяющих эту эпоху, имя Фридриха Барбароссы не может затеряться, оно попадет в любой список, даже самый краткий. Однако великий воин, более полувека проведенный в седле, умел побеждать не только в сражениях и на ристалище, но и в судебных поединках...

Экспозиция. Империя, век XII

Огромная империя, занимавшая всю срединную Европу и простиравшаяся от Северного моря и Балтики до Тирренского моря и Адриатики, была не единым государством, но союзом сотен государственных образований, больших и малых. Народы, проживавшие на ее территории, говорили на десятках германских, романских, славянских и балтских языков. Ее императоры избирались коллегией особых имперских князей – курфюрстов; власть императоров была велика, но не безгранична. Объемы вызвали серьезные опасения укрепляющейся церкви: ее не устраивала широкая автономия правителей империи в вопросах назначения и смещения епископов и аббатов, приносивших императорам клятву верности и являвшихся их фактическими вассалами. В XI веке, том самом, завершение которого прогремит неожиданным успехом Первого крестового похода, Рим начнет «борьбу за инвеституру» (назначение на церковные должности и введение в сан). Она закончится компромиссом: в 1122 году был заключен Вормсский конкордат. В соответствии с этим соглашением избранные на церковную должность получали духовную инвеституру от папы, а светскую – в империи верхушка клира имела немалые феодальные владения – от императора. Теперь уже серьезные основания для беспокойства имелись у императоров: помимо части полномочий они утратили влияние на Северную Италию.

Могущество императоров подрывали и внутренние распри: в первой половине XII века основным содержанием политической жизни империи стало соперничество между двумя крупными германскими феодальными кланами – Гогенштауфенами и Вельфами. Первые контролировали юго-западную Германию, вторые – южную и восточную. Важным козырем Вельфов была их борьба с восточными соседями-славянами: под предлогом «христианизации язычников» они расширяли свои владения в восточном направлении.

После смерти Конрада III, первого из императоров – Гогенштауфенов, в 1152 году на имперский престол был избран его племянник Фридрих I по прозвищу Барбаросса – «Рыжебородый». Борьба за Италию и «усмирение» Вельфов стали двумя основными направлениями его политики.

С Италией получилось не очень удачно: папа Александр III при поддержке мощного Сицилийского королевства и объединения североитальянских городов-коммун – Ломбардской лиги – сумел выдержать натиск с севера. В 1176 году при Леньяно, неподалеку от Милана, армия Барбароссы была разгромлена, а сам император чудом остался жив. Вернуть итальянские владения под свой полный контроль империи не удалось, борьба предстояла нешуточная. А вот по второму направлению дела развивались не в пример успешнее.

Завязка. Возвышение Льва

В 1137 году баварский герцог Генрих X Гордый получил в наследство после смерти своего тестя Саксонское герцогство. На следующий год избранный императором Конрад III потребовал, чтобы Генрих отказался от одного из так называемых «племенных герцогств» (помимо Баварии и Саксонии к ним относились Тюрингия, Франкония, Швабия и Лотарингия), правители которых и избирали императора: ведь получалось, что теперь у Генриха X Баварского (он же Генрих II Саксонский) образовалось целых два голоса. Вельф предсказуемо отказался, после чего Конрад лишил его обоих владений, передав Баварию своему единоутробному брату Леопольду, маркграфу Австрийскому, а Саксонию – Альбрехту по прозвищу Медведь, маркграфу Северной марки, пограничного владения между Эльбой и Одером. Генрих Гордый возмутился и приступил к военным действиям, но внезапно скончался в возрасте примерно 30 лет. Его преемником был провозглашен десятилетний сын Генрих. Поддержка влиятельных бабки и дяди помогла мальчику выстоять, и в 1142 году при посредничестве императора был достигнут компромисс: юный герцог отказывался от Баварии, но сохранял за собой Саксонию, фактически уже захваченную его вассалами. Впрочем, Альбрехт «попрощался, но не ушел» и продолжал бороться за утраченное практически до самой смерти.

Первая возможность проявить себя в качестве полководца – для государя того времени условие непереносимое – представилась Генриху в 1147 году. В тот год был предпринят Второй крестовый поход, целью которого провозглашалось освобождение от мусульман княжества Эдесского, одного из крестоносных государств, возникших на Ближнем Востоке после успеха Первого похода. Сам Конрад III принял решение отправиться в Азию. Однако князья востока империи уклонились от участия в этом предприятии, сославшись на угрозу своих соседей – славян-язычников. Они получили благословение папы Евгения III и авторитетнейшего деятеля церкви Бернара Клервосского на отдельный поход для обращения вендов (так германцы называли живших по соседству с ними славян) в истинную веру.

Южным отрядом командовал Альбрехт Медведь, северным – 18-летний Генрих Лев. В военном отношении результаты похода трудно назвать блестящими (впрочем, Второй крестовый оказался и вовсе провальным), но политически Альбрехт и Генрих выиграли, повысив свой авторитет, укрепив власть и обложив славянских князей данью. В 1160-е годы Лев предпринял несколько удачных экспедиций против вендского племенного союза ободритов (бодричей) и значительно расширил свои владения, превратившись в сильнейшего из князей империи. Женитьба на Матильде Английской, дочери Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской, сделала его зятем могущественнейшего из тогдашних европейских монархов.

Совет курфюрстов

Когда Фридрих Барбаросса начинал свой «натиск на Италию», он исходил из того, что одним из слагаемых успеха должен быть внутренний мир, и стремился к компромиссу с Вельфами, и оказывал им – и в первую очередь своему двоюродному брату Генриху – всяческое покровительство, рассчитывая на ответную поддержку. Однако в ключевой для императора момент, когда в пятом по счету походе ему особенно требовались войска для борьбы с итальянскими городами, Лев отказался прийти на помощь. Строго говоря, он не обязан был этого делать, так как Барбаросса не объявлял общий сбор имперских армий, но с моральной точки зрения должен был, казалось бы, считать себя обязанным за прежние благодеяния. Вероятнее всего, правитель Саксонии обиделся на отказ передать ему расположенный у подножия Гарцких гор важный имперский город Гослар; так или иначе при Леньяно его не было. Фридрих считал это предательством.

Ломбардская лига – союз из 16 североитальянских городов, созданный в 1167 году первоначально Миланом, Лоди, Феррарой, Пармой и Пьяченцей для борьбы с императором Священной Римской империи против его господства в ломбардских городах.

Кульминация. Лев в западне

В качестве повода для начала преследования гордого Вельфа был использован один из многочисленных внутриимперских конфликтов. Генрих Лев объявил подчиненной ему территорией Хальберштадтское епископство. Тогда его старинный недруг кельнский архиепископ Филипп Хейнсбергский заключил с хальберштадтским коллегой союз и напал на владения Генриха в Вестфалии. Вернувшийся из Италии император созвал Имперский совет – рейхстаг, на котором конфликтующие стороны подали жалобы друг на друга. Раньше (а подобные ситуации возникали регулярно) Фридрих старался не доводить дело до открытого противостояния и выступал в качестве посредника-медиатора; теперь он решил дать делу «законный ход». Князья, у которых заносчивый Вельф давно стоял поперек горла, присудили, что он должен вернуть захваченное; Лев отказался как являться в суд, так и отдавать земли, и в полном соответствии с ленным правом был объявлен вне закона; от церкви его отлучили еще раньше, в начале конфликта с хальберштадтским епископом. На обжалование приговора давался один год и один день. Генрих почувствовал, что тиски сжимаются, и бросился к кузену за помощью, однако всепрощением последний знаменит не был; чем-чем, но не этим... Фридрих выставил условием своего посредничества в улаживании конфликта гигантский штраф в пять тысяч серебряных марок. Генрих счел это условие ниже своего достоинства.

Против саксонского герцога возбудили еще одно дело – о неуважении к императору (так квалифицировали отказ явиться в суд). Вельф закусил удила и на новое судилище также не явился, проигнорировав троекратный (все чин чином!) вызов. Тогда решением «суда равных» он был лишен имперского лена, то есть Саксонии. Ее разделили на две части: одну – вестфальскую – отдали архиепископу Филиппу, вторую – сыну его давешнего соперника-союзника Альбрехта Медведя; отняли у него и Баварию. Кульминацией же стало провозглашение в июне 1180 года Генриху Льву исключительной опалы с лишением всего и вся. Это означало общеимперский поход против отщепенца.

Лев не был бы Львом, если бы не попытался сопротивляться, но часть его собственных территорий, населенных злопамятными славянами, восстали у него в тылу. В конце лета 1181-го в обмен на привилегии (статус имперского города) сдалась «жемчужина саксонской короны» – Любек. К осени истерзанный «царь зверей» признал свое поражение и на эрфуртском рейхстаге смиренно просил вернуть хотя бы родовые земли. Его приговорили к изгнанию (более трех лет Генрих проведет во владениях тестя) и снисходительно вернули кое-что – Брауншвейг и Люнебург, примерно одну десятую того, что у него еще недавно было.

Развязка. Победитель и побежденный

Своеволию «племенных» герцогов был нанесен сильнейший удар: теперь в империи не осталось правителей, способных почти на равных соперничать с императором. Вместе с тем поддержка, оказанная князьями императору, в очередной раз продемонстрировала, что тот силен не сам по себе, а добрыми отношениями со своими вассалами. В 1183 году Ломбардская лига формально признала императора сюзереном, хотя и сохранила немалую часть своей автономии. Барбаросса добился практически всего, к чему стремился.

В 1189-м, несмотря на солидный возраст (67 лет), Барбаросса отправился в Третий крестовый поход, обещавший стать блестящим реваншем за неудачу Второго. 10 июня 1190 года при переправе через горную реку на юге нынешней Турции великий рыцарь упал с коня и захлебнулся... Его кузен и соперник пытался воспользоваться его отъездом и вернуть себе хоть часть бывших владений, но был разбит сыном Барбароссы и удалился на покой в свой Брауншвейг. Он пережил Фридриха ненадолго, его не стало в 1195-м.

3. История с бородой

(процесс маршала Жилья де Рэ, Франция, 1440)

Трудно сказать, с чем это связано, но люди любят, когда их пугают. Популярность «ужастиков» и «страшилок» – не примета нашего времени, они были всегда. Нет такого народа, у которого не было бы мистических кровавых легенд. Иногда эти легенды наслаивались на действительность (или действительность на легенды), и правду и вымысел становилось совсем трудно различить...

«Всех тех, кто сии послания увидит, мы, Жан, с Божьего соизволения и по милости Святого Апостольского Престола, епископ Нантский, благословляем именем Господа нашего и просим доверять посланиям сим.

Настоящими посланиями да уведомим, что, посещая приход Св. Марии в Нанте, где Жиль де Рэ нижеупомянутый часто бывает в доме, обыкновенно называемом Ла-Сюз, ибо он прихожанин помянутой церкви, и посещая иные приходские церкви, ниже указанные, столкнулись мы вначале со многими слухами, а вслед затем с жалобами и заявлениями немалого числа людей добрых и благоразумных... показания коих подтверждены были... свидетелями... и иными осмотрительными, благоразумными людьми, не вызывающими подозрения.

Посещая по долгу нашему эти самые церкви (к приходам которых принадлежали свидетели. – А.К.), мы кропотливо их обследовали и из показаний, между прочим, с достоверностью убедились, что дворянин, мессир Жиль де Рэ, рыцарь, сеньор помянутой местности и барон, наш подданный и нам подсудный, вместе с некоторыми из своих сообщников зарезал, лишил жизни и истребил бесстыднейшим образом множество невинных отроков, что он предавался с этими детьми противоестественному сладострастию и греху содомскому, часто совершал ужасные заклинания демонов, приносил им жертвы, заключал с ними договоры и совершил иные тяжкие преступления, что нам подсудны; и мы узнали из расследования посланников наших и доверенных лиц, что помянутый Жиль содеял и совершил вышеуказанные преступления и иные учинил оргии как в нашей епархии, так и во многих иных областях, к ней относящихся.

По поводу каковых проступков помянутый Жиль де Рэ был обвинен и поныне обвиняется людьми серьезными и благонадежными. Дабы предотвратить всяческие сомнения по этому поводу, составили мы настоящие послания и скрепили их своею печатью.

Составлено в Нанте 29 июля 1440 года».

Богач, книжник, воин

Так начиналась заключительная часть довольно короткой – 36 лет, – но весьма богатой событиями жизни Жиль де Монморанси-Лавалья, барона де Рэ, графа де Бриен, сеньора д'Ингран и де Шанту, потомка старинных и влиятельных родов, маршала Франции, одного из вернейших сподвижников Орлеанской деви Жанны д'Арк.

Вопрос о полководческих дарованиях самой Орлеанской деви остается дискуссионным, но большинство современных исследователей склоняются к тому, что в тех событиях она преимущественно играла роль символа борьбы за правое дело, а вот непосредственно военными аспектами занимались ее помощники, среди которых одним из самых ярких и был опальный впоследствии маршал.

Он был богат. Правда, злые языки утверждали, что значительная часть его огромного состояния за последние годы перекочевала в карманы тех, кто торгует свинцом, ртутью, бромом, акульими зубами и другими материалами, совершенно необходимыми для получения философского камня, а также к помощникам-алхимикам, которых у барона де Рэ за последние пять лет сменилось трое.

Он был образован. В эпоху, когда многие знатные люди не вполне твердо писали свое имя, он знал несколько языков, много читал, владел прекрасной библиотекой, на пополнение которой тратил большие средства.

Он был дерзок. Женился на двоюродной сестре, что не одобрялось церковью, тайно венчался, а затем выпросил у Папы прощение. Женильба значительно увеличила его владения и упрочила его знатность – благодаря браку он стал свойственником дофина, будущего короля Карла VII.

Он был смел и искусен в военном деле, что неудивительно – ведь он был внучатым племянником великого Бертрама Дюгеклена, «грозы англичан». Поверив, насколько мы можем судить, без особых колебаний в миссию Жанны д'Арк, он стал одним из наиболее эффективных командиров ее войска, сыграв значительную роль в снятии осады с Орлеана и в сокрушительном разгроме англичан при Пате. В Реймсе после коронации Карла VII 25-летний полководец стал маршалом Франции и получил право добавить в свой герб знаки, свидетельствовавшие об особой королевской милости: «...бесчисленные цветы лилий (des fleurs de lys sans nombre) на лазурном поле». После пленения Орлеанской деви именно Жиль де Рэ предпринимал наиболее последовательные попытки освободить ее во главе своего отряда, устроив наступление на Руан, где шло судилище. Он опоздал, Жанну казнили...

Или не казнили. Существует несколько версий спасения Жанны. По крайней мере, одна из выдававших себя за спасшуюся деви, Жанна дез Армуаз, была признана «настоящей Жанной» немалым количеством знавших ее людей. По слухам, с ней встречался и Жиль де Рэ. Подтвердить или опровергнуть это невозможно.

За строкой обвинения...

Вероятно, это сочетание качеств и привело маршала на скамью подсудимых. Его богатство не могло не вызывать недобрых чувств у его сеньора, герцога Бретонского. Суд был еще в разгаре, а тот повелел поменять межевые знаки на границах владений барона, с тем чтобы земли «колдуна, убийцы и распутника» отошли сыну герцога. Его дерзость вызвала враждебное отношение многим ему обязанного короля: во-первых, Жиль де Рэ почтительно просил вернуть ему немалые средства, затраченные на то, чтобы привести дофина в Реймс, а во-вторых, он подозрительно радушно принимал в своем замке сына Карла, будущего Людовика XI, интриговавшего против отца (о чем пребывавший в добровольном затворничестве маршал, видимо, не знал). Его образованность и склонность к наукам не могли не создать ему репутацию чернокнижника. А тут еще дети в окрестностях замка пропадают...

Надо заметить, что во Франции в те времена ежегодно пропадали, по оценкам историков, примерно 20 тысяч детей. Большинство из них убегали из дома в поисках лучшей жизни и приключений, многие становились жертвами семейного насилия или добычей грабителей, когда ходили собирать милостыню; кого-то похищали с целью продажи в бордели (именно там за два с лишним века до описываемых событий оказалась немалая часть участников «крестового похода детей», добравшихся до Италии, но не дождавшихся, что море расступится перед ними). В момент выдвижения первого обвинения против барона де Рэ в распоряжении епископа Нантского было только одно заявление от родителей пропавшего ребенка, которое косвенно указывало на баронский замок как место пропажи. Однако затем подобные жалобы посыпались пачками, что неудивительно, – родители исчезнувших мальчиков и девочек, помимо прочих соображений, рассчитывали на компенсацию.

Элуа Фирмин-Ферон. Жиль де Лаваль, сир де Ре, соратник Жанны д'Арк, маршал Франции

Впрочем, алхимией маршал, несомненно, занимался. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в замке у него несколько лет жили и работали Жан де Силле и Франческо Прелати, обнаруженное в принадлежащих ему помещениях оборудование, да и собственное признание обвиняемого, сделанное в самом начале процесса, еще до пыток и отлучения: он признался в чтении одного алхимического сочинения, разговорах на алхимические темы и постановке опытов.

Само по себе это тянуло на церковное покаяние. Но обвиняли-то его в связях с дьяволом, в убийстве детей и ужасающем разврате...

Три Жана против Жила

Главные пункты обвинения были подсудны разным судам. Все, что касалось связи с дьяволом и прочего чернокнижничества, подлежало ведению инквизитора Бретани Жана Блуэна. Содомский грех и прочие извращения находились в юрисдикции епископального суда епископа Нантского Жана де Малеструа. Наконец, убийства подлежали сеньориальному светскому суду, находившемуся в ведении герцога Бретонского Жана V. Сочетание трех юрисдикций и трех процессуальных моделей было чрезвычайно удобным для достижения конечной цели: сеньориальный суд не мог применять пытку, а инквизитор мог, церковный суд не мог казнить раскаявшегося грешника, а светский мог казнить убийцу, независимо от раскаяния. Что и было исполнено.

Под содомским грехом в раннем Средневековье понимались любые формы сексуальности, не могущие привести к зачатию. Однако ко времени суда над маршалом (вероятно, под влиянием процесса тамплиеров) это понимание сузилось до мужеложества.

Обвинения были выдвинуты не только против маршала, но и против его подручных, якобы помогавших ему в занятиях колдовством и поставлявших ему детей. Они – кто под пыткой, кто без нее – дали необходимые показания. Помимо них были допрошены сотни свидетелей (особо интересующихся отсылаем ко второй части книги *Жоржа Батая* «Процесс Жила де Рэ» (перевод И. Болдырева), Kolonna Publications, 2008, где приведены судебные протоколы, переведенные с латыни философом, писателем и переводчиком Пьером Клоссовски). Сам Жиль де Рэ поначалу категорически отрекся от связей с дьяволом, извращений и убийств, но, будучи подвергнут пытке, все признал и просил о прощении. Что, разумеется, не помешало праведным судьям приговорить его к смерти.

Жиль де Рэ был казнен 26 октября 1440 года в Нанте. «И после того... опустился он на колени, сложив на груди руки и прося прощения у Господа и умоляя не судить о нем по проступкам его, а явить милосердие, коему он себяверяет, а народу говоря, что он брат их и христианин, и прося народ сей, а также и тех из них, чьих детей он загубил, молиться за него Господу нашему, исполнившись пылкой к Нему любви, и просил у всех простить его от чистого сердца и заступиться за него перед Богом, как если бы они за себя просили. И вверяя судьбу свою в руки св. Иакова, к коему всегда имел особое расположение, а также св. Михаила, просил в сей час, когда великую надобность имеет, помочь ему облегчить душу свою и молить Бога за него, невзирая на то, что он не был им послушен, как подобало бы. Он просил также, чтобы в момент, когда душа его отлетит из тела, св. Михаил принял ее и представил пред Богом, коего молил он принять ее с милостью и не наказывать ее за провинности его».

Пять с половиной столетий спустя...

В XV веке в ходе расследования прилагались значительные усилия к тому, чтобы найти останки жертв, – ведь маршал под пыткой признался аж в восьмистах убийствах, хотя ему милостиво «скостили» до ста пятидесяти. Усилия успехом не увенчались. Тогда слуги признались, что по приказу своего господина уничтожили все следы...

Современная криминалистика скептически относится к возможности быстро и бесследно избавиться от останков полутора сотен людей. Современные археологи перерыли все, что можно, в замке Тиффож (живописные развалины замка неплохо сохранились до наших дней), но нашли только скелеты двух взрослых людей, вряд ли имеющих отношение к тем событиям.

Полемика о виновности Жилье де Рэ обострилась в XX веке. В 1992 году по инициативе адвоката и масона Жан-Ива Го-Бриссоньера и писателя Жилбера Пруто состоялся общественный «пересмотр» процесса 1440 года. Жилье де Рэ бы оправдан. Юридического значения это решение не имеет, но аргументы защиты позволяют нам усомниться в выводах судей XV века. Что мы, наверное, и сделаем...

К вопросу о цвете бороды

Широко известно, что история Жилия де Рэ легла в основу знаменитой сказки Шарля Перро «Синяя Борода». Правда, Синяя Борода убивал чрезмерно любопытных жен, а маршал, у которого была всего одна жена, – ни в чем не повинных детей, но народное сознание способно и не на такие перемены обстоятельств. Однако в хронологии формирования такой связи есть основания сомневаться. Исследователи нашли бретонские варианты сказки (сюжет которой, кстати, был общеевропейским: известны германские и итальянские вариации), которые гораздо старше незадачливого алхимика-любителя. Они восходят, по-видимому, к легенде о Кономоре Проклятом, короле Думнонии, королевства бриттов на территории графств Корнуолл и Девон в современной Великобритании, который якобы убил четырех жен, причем четвертая незадолго до гибели обнаружила тела трех предыдущих.

Скорее всего, следует признать, что страшная история массового детоубийства в XV веке побудила народ «актуализировать сказку», добавив в нее легенду о том, как дьявол сделал бороду Жилия де Рэ синей в знак того, что тот теперь в его власти. А вообще-то у барона она была темно-русой...

4. За что казнили Джордано Бруно

(суд над Джордано Бруно, Папская область, 1600)

Со школьной скамьи многие полагают, что известного ученого Джордано Бруно сожгли на костре за его приверженность коперниковской модели Солнечной системы. Он был ее сторонником, это правда, как правда и то, что он окончил свою жизнь на костре. Но – за совсем другие «прегрешения».

Беспокойный человек

XVI век выдался для католической церкви чрезвычайно трудным: копившаяся несколько столетий гремучая смесь из недовольства простого народа несправедливой жизнью и стяжательством клира, а светских властей – непомерными притязаниями папства на политическую власть; из множества разнообразных учений и толкований, преследуемых как ересь; из ущемленных национальных чувств и многих других слагаемых наконец-то достигла критической массы. Вожди Реформации Лютер и Кальвин, Цвингли и Мюнцер по-разному смотрели на обновление церкви, но сходились в том, что римско-католический вариант должен уйти в прошлое.

Рим сопротивлялся. В чем-то шел на незначительные уступки, но в основном «закручивал гайки». Разумеется, в такой обстановке сплоченность собственных рядов являлась первоочередной задачей, и нет ничего удивительного в том, что культивирование и распространение ереси человеком, принадлежащим к «передовому отряду» борцов с ересями – доминиканскому ордену, из которого в первую очередь рекрутировались кадры святой инквизиции, были сочтены тягчайшим преступлением.

Джордано (урожденный Филиппо; свое второе имя он получил при пострижении в монахи в 17-летнем возрасте) Бруно по прозвищу Ноланец, то есть уроженец городка Нола под Неаполем, был из тех любознательных юношей, которые не могут спокойно делать карьеру, послушно повторяя за старшими то, что на данном историческом этапе принято считать Истиной. Им, видите ли, важно знать, как оно устроено на самом деле, а поэтому надо искать и сомневаться. Стоит ли удивляться, что на этом пути им встречается много неприятностей?

Первый раз шанс подвергнуться серьезной каре появился у Бруно в Неаполе в 1575 году, когда он, проживая в монастыре Св. Доминика (!), одной из главных обителей «псов Господних», как называли себя доминиканцы, был заподозрен в чтении запрещенных книг и неприязни икон. Тогда Бруно благоразумно скрылся, подался на север, перебрался в Швейцарию, где примкнул к ревностным сторонникам Реформации – кальвинистам (был бы он иезуит, можно было бы заподозрить «спецзадание», но доминиканцы подобными методами не пользовались). Однако своих противников, к которым относили всех, недостаточно крепких в их вере, ученики «женевского папы» Кальвина преследовали не менее жестко, чем их враги-католики, и молодому искателю Истины пришлось продолжить свои скитания. В Париже поначалу все шло лучше некуда, он пришелся ко двору одного из самых странных королей богатой на чудаконных монархов тогдашней Европы – Генриха III; казалось бы, живи да радуйся, стриги купоны, но нет, наш герой откровенно не по этой части. Он принялся критиковать логику считавшегося в католическом мире непререкаемым авторитетом Аристотеля, и против него выступили профессора Сорбонны. Затем были Англия (здесь он сцепился с оксфордской профессурой), ряд германских княжеств (в Виттенберге, колыбели лютеранства, он произнес хвалебную речь о Лютере), Чехия... Отовсюду рано или поздно ему приходится поспешно уносить ноги. Сам он себя аттестовал так: «Я друг Бога Иордан Бруно Ноланский, доктор наиболее глубокой теологии, профессор чистейшей и безвредной мудрости, известный в главных академиях Европы, признанный и с почетом принятый философ, чужеземец только среди варваров и бесчестных людей, пробудитель спящих душ, смиритель горделивого и лягающего невежества; во всем я проповедую общую филантропию. Меня ненавидят распространители глупости и любят честные ученые».

Само название доминиканцев – «псы Господни» – представляет собой игру слов.

Орден был назван в честь его основателя, Доминика де Гусмана, но созвучие с латинским *Domini canes* обусловило неофициальное название и

эмблему – собаку, несущую в пасти факел, что понимается двояко: как символ просвещения и как неизменная преданность церкви и готовность «выжигать крамолу».

Что же такого крамольного «нес в массы» этот беспокойный человек? В доносе, который будет положен в основу его дела в суде инквизиции, говорилось, что Бруно утверждал, что «когда католики говорят, будто хлеб пресуществляется в тело, то это – великая нелепость; что он – враг обедни, что ему не нравится никакая религия; что Христос был обманщиком и совершал обманы для соращения народа – и поэтому легко мог предвидеть, что будет повешен; что он не видит различия лиц в божестве и это означало бы несовершенство Бога; что мир вечен и существуют бесконечные миры... что Христос совершал мнимые чудеса и был магом, как и апостолы, и что у него самого хватило бы духа сделать то же самое и даже гораздо больше, чем они; что Христос умирал не по доброй воле и, насколько мог, старался избежать смерти; что возмездия за грехи не существует; что души, сотворенные природой, переходят из одного живого существа в другое; что, подобно тому, как рождаются в разврате животные, таким же образом рождаются и люди». Согласимся, что каждого из этих тезисов хватило бы на отдельный костер...

Как работала инквизиция

К моменту «встречи» с Джордано Бруно судебная система святой инквизиции насчитывала почти четыре столетия. За это время был накоплен колоссальный опыт в решении главной задачи любого инквизиционного трибунала – определении, является ли обвиняемый еретиком. Процедура была, как правило, неспешной и предоставляла подсудимому, а затем подсудимому определенные возможности спастись.

Памятник Джордано Бруно на месте казни в Риме

«Цель инквизиции – уничтожение ереси; ересь же не может быть уничтожена без уничтожения еретиков; а еретиков нельзя уничтожить, если не будут уничтожены также защитники и сторонники ереси, а это может быть достигнуто двумя способами: обращением их в истинную католическую веру или обращением их плоти в пепел, после того как они будут выданы в руки светской власти».

Неизвестный богослов в изложении инквизитора Бернара Ги

Сначала выдвигалось обвинение. Это могли сделать как частные лица (в случае Бруно это будет венецианский аристократ Джованни Мочениго, пригласивший философа погостить у него; историки спорят, было ли приглашение ловушкой с самого начала, или же, познакомившись со взглядами Ноланца, правоверный католик пришел в ужас и написал цитированный выше донос), так и церковные власти. Если на следствии набирался достаточный материал – показания добропорядочных свидетелей (не менее двух, но некоторые инквизиторы «поднимали планку» до трех и даже более), вещественные доказательства (например, колдовские атрибуты), собственное признание, – дело передавалось в суд. пытки использовались, но далеко не всегда, более того, среди опытных инквизиторов они считались приемом грязным и примитивным, недостойным изощренного логика, способного запутать запирающегося силлогизмами и парадоксами.

Суд проверял данные следствия, тщательно фиксируя все показания на бумаге. Неожиданно, но факт – система подробного протоколирования всего и вся позаимствована цивилизованной судебной системой именно у инквизиции, до нее судопроизводство велось устно, записывалось лишь решение суда. Важнейшая задача следователей и судей – убедить обвиняемого в необходимости искренне раскаяться. Если раскаяние наступало и выглядело в глазах инквизиторов непритворным, то наказание не было связано с лишением жизни; это мог быть штраф, тюремное заключение и различные формы церковного покаяния.

В случае если доказанный еретик не желал каяться, либо имелись основания полагать, что его раскаяние притворно, его казнили, но формально это делала не инквизиция: ведь еретик, не будучи католиком, не подлежал церковному суду. Казнь осуществлялась светскими властями, получавшими от отцов-инквизиторов письменное сообщение, что церковь ничего не может более сделать, дабы загладить прегрешения виновного.

«Казнить, нельзя помиловать»

Обвинения против Бруно были столь многочисленны и серьезны, что венецианские следователи решили переправить задержанного непосредственно в Рим. В течение семи (!) лет искушенные богословы полемизировали с ним, пытаясь убедить его в греховности и нелогичности его построений, но натывались на новые и новые признаки ереси. Например, по важнейшему, составляющему основу символа веры вопросу о троичности Бога подследственный заявлял: «...Я действительно сомневался относительно имени Сына Божия и Святого Духа... ибо, согласно св. Авгуστину, этот термин не древний, а новый, возникший в его время.

Такого взгляда я держался с восемнадцатилетнего возраста по настоящее время».

Иногда казалось, что усилия инквизиторов вот-вот увенчаются успехом и обвиняемый покается, но каждый раз Бруно вновь возвращался на исходные позиции. Он утверждал множественность миров и переселение душ, отождествлял Святой Дух с некоей «душой Мира», проповедовал будущее спасение дьявола. Как заметил один из присутствовавших при оглашении приговора иезуитов, «он защищал все без исключения ереси, когда-либо проповедовавшие». В этой ситуации надеяться на спасение было трудно. Да Бруно, судя по всему, на него и не рассчитывал.

Проще всего сегодня объявить его сумасшедшим, ведь мы легко зачисляем в эту категорию всех, кто нам непонятен. А он был фанатик, готовый умереть за свое Учение, представлявшее собой смесь гениальных предвидений и дичайшего религиозно-философского «винегрета». Как и положено фанатику, крайне самоуверенный, полагающий оппонентов интеллектуальными ничтожествами, неудобный для всех, кто с ним сталкивался...

Папа римский Иоанн Павел II, человек широких взглядов и высокообразованный, реабилитировавший Галилея и принесший извинения за «перегибы» инквизиции, полагал, что Бруно был осужден за действительную ересь, то есть по понятиям XVI века – правильно. Ознакомившись с делом, с этим трудно не согласиться. И трудно не порадоваться тому, что мы живем в эпоху, когда даже за самые смелые предположения уже не казнят.

«Папа Иоанн Павел со мной говорил по-русски. Он сказал мне, что мое предложение реабилитации Джордано Бруно принять нельзя, так как Бруно, в отличие от Галилея, осужден за неверное теологическое утверждение, будто его учение о множественности обитаемых миров не противоречит Священному Писанию. «Вот, дескать, найдите инопланетян – тогда теория Бруно будет подтверждена и вопрос о реабилитации можно будет обсудить».

Владимир Арнольд, академик РАН

5. Маятник Фуке

(суд над суперинтендантом финансов Николя Фуке, Франция, 1664)

В свое время было модно украшать письменный стол в кабинете небольшим бюстом великого человека – кто-то ставил Вольтера, кто-то Байрона, кто-то Наполеона. Жаль, никому из производителей подобной продукции не пришло в голову изготовить кабинетный бюстик французского суперинтенданта финансов Николя Фуке. Снабженный надписью «Воруй, но не зарывайся», он мог бы пользоваться устойчивым спросом у людей, имеющих дело с государственными деньгами.

Способный юноша

В начале взрослой жизни Николя Фуке, одного из сыновей многодетного советника парламента Бретани (то есть члена окружного суда в нашей современной терминологии), был зал судебных заседаний. Он регулярно ходил с отцом к нему на службу и в возрасте 13 лет впервые выступил как частный поверенный, а пять лет спустя получил юридическое образование в Парижском университете и был допущен в адвокатское сословие.

Скорее всего, из него получился бы отменный адвокат: цепкий, знающий, напористый. Но юношу манила иная карьера, по финансовой части. Он стал интендантом в Дофине, исторической области на юго-востоке Франции. Интенданты занимались на местах контролем за взиманием некоторых налогов и курировали ряд важных для королевского двора проектов – например, дорожное строительство. Вероятно, уже тогда Фуке встал на скользкий путь наполнения собственных карманов за государственный счет: налоги и дороги и сегодня остаются едва ли не главными коррупционными областями даже при наличии вроде бы строгого контроля; а уж тогда, во Франции XVII века!..

Под знаменем Мазарини

В смутные годы Фронды мы видим молодого – ему слегка за тридцать – человека уже в Париже, но по-прежнему «при финансах». В споре Парижского парламента и некоторых представителей высшей аристократии («фронда принцев») с регентшей Анной Австрийской и ее первым министром Мазарини он встанет на сторону последнего и не раз окажет пронырливому итальянцу важные услуги. При этом, как и положено, не будет забывать о себе, любимом. В 1650-м, весьма успешном для Мазарини году он прикупил должность главного прокурора при Парижском парламенте. Она давала ему, помимо прочего, относительную неприкосновенность: теперь его мог арестовывать и судить только сам парламент.

Парламенты во Франции при старом режиме (Ancien Régime, конец XVI – конец XVIII вв.) представляли собой высшие судебные органы, в которых заседали как аристократы, так и образованные выходцы из третьего сословия. Часть должностей продавалась и даже переходила по наследству, но только при наличии у соискателя юридической квалификации. «Первым среди равных» был Парижский парламент, юрисдикция которого распространялась на половину территории страны.

В начале Нового времени некоторые должности во Франции продавались совершенно официально. Сделка оформлялась как ссуда королю, проценты по которой выплачивались обладателю должности в виде жалованья. Эта система работала не только на наполнение казны, но и на обеспечение лояльности короне: ведь в случае чего вложенной суммы можно было лишиться, а кому охота?

Дальнейшие события показали, что с покровителем Фуке не ошибся: Мазарини одолел Фронду, Париж был усмирен. На верного слугу излился золотой дождь: он стал министром, членом Государственного совета, директором Компании островов Америки (доходы от колоний Гваделупа, Мартиника и Санто-Доминго, лакомый кусок – табак и сахарный тростник) и, наконец, вершина карьеры – 8 февраля Фуке становится суперинтендантом финансов. Теперь распределение королевского бюджета было в его руках. Первые годы, правда, был еще один суперинтендант, Абель Сервьен, но он не очень мешал: сам был вороват, да и часто отвлекался на дипломатические дела; к тому же через шесть лет умер.

«Надо жить умеючи...»

Суперинтендантство Фуке даже у выдавших виды французских чиновников вызывало оторопь: наш герой воровал открыто, лихо и даже как-то весело. Он продавал откупа на сбор налогов на невиданных условиях – откупщики обязаны были платить пенсию самому Фуке и тем, кого он назовет: его прихлебателям и любовницам. Он привлекал кредиты для покрытия государственных расходов под фантастические проценты, причем сам неизменно оказывался среди главных кредиторов. Он делал деньги из воздуха, жонглируя статьями бюджета, вокруг чего кормилась целая армия благодарных ему банкиров. При этом полученные сверхприбыли тратились с невиданным размахом на любовниц и дворцы, балы и театральные постановки.

Построенный им неподалеку от Фонтенбло великолепный дворец с регулярным парком стал прообразом Версаля; неудивительно, ведь его строили те самые Лево, Ленотр и Лебрен, которым через несколько лет предстояло создать непревзойденный образец загородной резиденции уважающего себя европейского монарха.

Откупа – это система сбора с населения налогов и других государственных доходов, при которой государство за определенную плату передает право их сбора частным лицам (откупщикам). Во Франции времен Фуке государство продавало доходы от таможи, торговли спиртным и солью; кроме этого, существовали еще исторически сложившиеся местные откупа. Хотя продажа велась с торгов (аукционов), злоупотребления в данной сфере были колоссальными.

Он явно метил на место стареющего Мазарини. Немалая часть «заработанного непосильным трудом» уходила на оплату шпионов и придворных подпевал. На случай плохого развития событий был куплен остров у побережья родной Бретани, на котором начались масштабные фортификационные работы; в случае чего Фуке рассчитывал пересидеть там лихие времена.

Похоже, он переоценил степень расположения к нему Мазарини; тот, будучи при смерти, рекомендовал королю в качестве финансового советника своего многолетнего управляющего Жан-Батиста Кольбера, финансового гения, человека относительно честного и сурового. Именно Кольбер, тщательно проверявший шитые ослепительно-белыми нитками отчеты Фуке, дал в руки обвинителям фактический материал, демонстрирующий выдающийся уровень коррупции во всем, что относилось к ведению суперинтенданта, на фоне общего бедственного состояния французских финансов.

Жан-Батист Кольбер (1619–1683), сменивший Фуке на посту руководителя французских финансов, добился выдающихся успехов на своем более чем двадцатилетнем поприще. Он перераспределил налоговое бремя, несколько облегчив участь бедных, навел относительный порядок с откупками, ввел жесткий таможенный тариф и содействовал увеличению экспорта, благодаря его усилиям значительно возрос оборот морской торговли. Если бы не бесконечные войны, которые вел в его время король Людовик XIV, Франция могла бы процветать...

Западня

Людовик XIV понимал, что удар по Фуке надо наносить только после тщательной подготовки. Лестью и намеками на то, что он хотел бы видеть Фуке своей правой рукой, король подталкивает суперинтенданта к продаже должности прокурора парламента. Фуке покупается и вручает 2/3 вырученной суммы королю: по своему разумению «инвестирует в будущее». Он также пытается подкупить и сделать своим шпионом и агентом влияния возлюбленную Людовика Луизу де Лавальер; та рассказывает королю.

Последней каплей стало фантастическое по размаху празднество в поместье Фуке: обед на три тысячи персон, богатые подарки гостям, премьера мольеровских «Докучных», невероятный фейерверк... Король в ярости и желал бы немедленно арестовать Фуке, но отговаривает Анна Австрийская: не *comme il faut*, законы гостеприимства.

«Именем короля. Его Величество, решив по веским соображениям обезопасить себя от г-на суперинтенданта финансов Фуке, постановил и повелевает младшему лейтенанту конной роты мушкетеров г-ну д'Артаньяну арестовать вышеупомянутого г-на Фуке и препроводить его под доброй и надежной охраной в место, указанное в меморандуме, который Его Величество вручил ему в качестве инструкции. Следует следить по пути за тем, чтобы вышеупомянутый г-н Фуке не имел ни с кем общения, ни устного, ни письменного. Дано в Нанте 4 сентября сего 1661 года. Людовик»

Фуке арестовали через три недели. Операцией руководил лейтенант д'Артаньян, и это одно из немногих пересечений жизненного пути реального мушкетера с придуманной Дюма биографией; он же осуществлял охрану арестованного вплоть до окончания процесса. Бывшего главного казначея Франции обвинили в хищении государственных средств путем мошенничества и в оскорблении королевского величества; оба пункта обвинения предусматривали в качестве наказания смертную казнь. Подготовка к суду длилась более трех лет, сам процесс – более месяца. Следствие велось предвзято, из дела исчезали документы, которые могли смягчить вину Фуке (например, указания на то, что он действовал по прямому приказу Мазарини), и, наоборот, появлялись фальсифицированные доказательства; отдельно шла «работа с судьями». Впрочем, бывший министр и его адвокаты не собирались сдаваться без боя. Они истребовали из архивов тысячи документов, подготовили благоприятные для обвиняемого расчеты доходов и расходов, публиковались памфлеты в защиту опального финансиста.

Эдуар Лакретей «Портрет Николя Фуке»

Несмотря на то, что специально «под Фуке» была создана особая Правовая палата из 28 судей, которых тщательно отбирали и инструктировали, судебный процесс шел «не гладко». В результате отпало обвинение в оскорблении величества: адвокаты Фуке убедили суд в том, что он планировал заговор не против монарха, а против Мазарини. Сумма предъявляемых злоупотреблений также сократилась, хотя и осталась внушительной. Все это повлияло на итоги голосования: девять голосов было подано за смертную казнь и 13 – за ссылку; конфискация

имущества – само собой. Король был весьма недоволен и публично продемонстрировал это, применив «право монаршей милости» в обратную сторону: он заменил ссылку пожизненным заключением. Главный же урок, который извлек молодой король из процесса Фуке, – с судом надо работать еще плотнее или вообще не связываться, и при Людовике XIV пышным цветом расцвела практика *lettres de cachet*, королевских приказов о внесудебной расправе.

Тень «Железной маски»

Фуке ждала крепость Пинероль на границе Пьемонта. Там в весьма суровых условиях, без права свиданий с родными (правда, ему разрешили взять с собой слугу) он проведет полтора десятилетия. Известно, что в эти годы в Пинероле содержался секретный узник, которому запрещалось снимать маску. Правда, Фуке умер в 1680-м, а «Железную маску» видели на рубеже веков в Бастилии, но... Свинцовый гроб с телом Фуке выдали родственникам западным, а это всегда наводит на подозрения.

Его жизнь начиналась с суда и судом практически закончилась. Она напоминает движение маятника: от срединного благополучия к блистательным высотам и – в тюремную камеру. В назидание не любящему таких уроков потомству.

6. Дело табак

(судное дело о табаке, кореньях и травах, Русское царство, 1680)

Большинство судебных дел XVII века нам сегодня недоступны, так как не сохранились в архивах, да и далеко не во всех случаях велись подробные записи. Те же, что дожили до наших дней, предсказуемо не могут не поражать воображение архаическим языком и непривычными нам законами и обычаями. Но вот что удивительно: нередко они привлекают внимание схожестью происходившего с нынешними реалиями. Как будто не было трех с лишним столетий!

«...Прибрел я, сирота твой, на Белоозеро...»

«Царю государю и Великому князю Федору Алексеевичу, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, бьет челом сирота твой Белозерского уезда Заозерского стану волости Липина Борку Иванов крестьянина Елизарьева сына Коротнева, деревни Дорины Якушко Феоктистов. В нынешнем, Государь, в 188-м году марта в 18-й день (7188 год от Сотворения мира по старому летоисчислению, или 1680-й по петровскому. – А.К.) прибрел я, сирота твой, на Белоозеро с Новозерской ярманки и, будучи на Белоозере, пил на кружечном дворе, и, напився пьян, лежал пьян на кружечном дворе беспамятно, и в то число положил мне в зепь табакунетертого неведомо кто; и того же числа, Государь, против словесного извету иноземца новокрещеного Зинки Лаврентьева тот подкинутый табак у меня, сироты твоего, у пьяного вынел, и приведен я, сирота твой, с тем табаком пьяный в приказную избу и расспрашиван, и посажен в приказную избу за решетку, и сидя за решеткой, помираю голодной смертью. Милосердый Государь Царь и Великий князь Федор Алексеевич, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержец! Пожалуй меня, сироту своего, вели, Государь, по тому делу свой Великого Государя милостивый указ учинить, и меня, сироту своего, из-за решетки свободить, чтобы сидя мне, сироте твоему, за решеткою, голодной смертью не умереть. Царь Государь, смилуйся, пожалуйста».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.